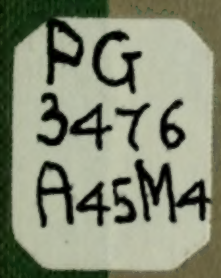

Alov, Vl
Metel' lepestkov

Вл. Аловъ.

МЕТЕЛЬ ЛЕПЕСТКОВЪ

ВѢНА
MCMXXII

Книги того же автора:

Настроенія (1 кн. стиховъ) П. 1913.

Парусъ у залива (2 кн. стиховъ) Харьковъ 1917.

Разсказы, М. 1918.

Крылья-Трагиком, М. 1918.

Ворлёкъ (3 кн. стиховъ), М. 1919.

Распятая Россія (повѣсть), Вѣна 1921.

" " изд. второе 5—10 тысяча, В. 1922.

Записки ефрейтора Алова, Вѣна 1922.

Вл. Аловъ (М. А. Эйвлеръ)

МЕТЕЛЬ ЛЕПЕСТКОВЪ

четвёртая книга стиховъ

ВѢНА

1 9 2 2

Свѣтлой памяти
Александра Блока
одиннадцатаго августа
1 9 2 1

. . . А ты, душа, душа глухая . . .
пьянымъ пьяна . . . пьянымъ пьяна . . .

Ал. Блокъ.

Въ моёмъ уединённомъ скверикѣ
подъ сплетни юркихъ воробьевъ
гадаю о неясномъ берегѣ
и пѣсенки пою безъ словъ.
Мой отгороженный отъ улицъ островъ
чеканнымъ золотомъ-кольцо,
гдѣ я одинъ. Въ узорѣ листьевъ пёстромъ
дрожитъ усталое лицо.

Среди отмѣченныхъ годами
еще идущихъ ввысь стволовъ,
граню, закованъ берегами,
стихи о берегѣ-безъ словъ.

Еще не заалѣли слёзы

куста смородины,

блѣднѣли хрупкія берёзы

отъ плача родины.

Гулялъ въ степяхъ угрюмый вѣтеръ,

забилъ въ набатъ глухой звонарь,

свистѣли спущенныя плети,

росла туманная изгарь.

Тяжёлыя спадаютъ слёзы

со спѣлаго куста смородины . . .

Стоятъ застывшія берёзы —

кресты надъ Родиной.

Плотнымъ
строемъ
мёртвыхъ
слёзы снѣга
на извивахъ и изгибахъ,
уклоненьяхъ и сплетеньяхъ
тайныхъ встрѣчъ.
Рѣчь
воронъ, летящихъ мимо,
мимо,
внизъ.
Роемъ рѣдкимъ
къ лѣсу, къ вѣткамъ,
къ снѣгу,
внизъ.

Шумы крыльевъ.
Шорохъ. Въ ссорахъ
расплетаютъ
рѣзкій свистъ.
Плотнымъ строемъ мёртвыхъ
слёзы снѣга на вѣтвяхъ.

Я плачу о веснѣ . . .
И. Эренбургъ

Я плачу о зимѣ, о маленькомъ театрѣ,
о грустной улицѣ, гдѣ сини фонари,
о неестественно красивой Клеопатрѣ,
о бронзовыхъ часахъ, пробившихъ ночью — три.

Проходитъ ночь и день. И вечеръ
ползётъ упрямо сквозь стекло.
На всѣхъ стѣнахъ зажгу я свѣчи,
чтобъ одиночество легло.
Грустя, прочту опять послѣдній
свой странный и смѣшной романъ,
свяжу изысканныя бредни
въ одинъ свѣтящійся обманъ;
и онъ откроетъ тёмный берегъ,
гдѣ перевозчикъ ждётъ меня . . .

Кихотъ — Ламанчскій, вновь повѣрю
въ глаза зажженнаго огня.

Пятна синей и бѣлой сирени
на вышитомъ неба платкѣ.
Ускользнувшія лица мгновеній
улыбнулись на бѣлыхъ ступеняхъ,
ведущихъ къ тоскѣ.
Куда она дѣнетъ
румянецъ волненья
идущая внятно
съ чернаго трона
злая тоска?
Въ сочныя пятна
синей сирени
на шелковомъ фонѣ
неба — платка.

Неосторожный шагъ межъ мѣченныхъ стволовъ,
шуршащій въ листьяхъ желтыхъ;
въ шорохкихъ вѣткахъ шелестъ тайныхъ, скры-
тыхъ словъ,
развѣдавшихъ и шьющихъ вдаль идущій шовъ:
зачѣмъ во мракъ вошелъ ты. —
Хворо́ста хрустъ и шопотъ хвои колкой
и шампиньонъ въ лихой шапченкѣ набекрень,
шмелей жужжащій гудъ и свистъ и толки
стрекозъ дрожащихъ о пришедшемъ. Жуткій пень
успѣлъ загородить тропу межъ двухъ дубовъ;
жучки звенятъ про шаткій и неловкій
неосторожный шагъ межъ мѣченныхъ стволовъ,
загрузшій въ листьяхъ желтыхъ . . .
Въ лѣсную глушь вошелъ ты.

Скользнули облака, бѣлѣя въ синемъ шелкѣ
протянутомъ надъ кудрями дубовъ.
Эмалевыя флейты лживыхъ словъ
умолкли.
У мельничнаго колеса, разбрызгавшаго струи
капризныхъ, звучныхъ волнъ
своё вполголоса чуть слышно шепчетъ аллилуйа
разбитый чёлнъ.
Вдали безмолвная созрѣла рожь
и стрекоза кого-то дразнитъ.
Подъ шумъ воды мечтатель праздный
словами тайно краситъ ложь.

Я скучная свѣча, зажженная въ поляхъ,

степяхъ осеннихъ,

гдѣ вѣтеръ плачетъ о покинутыхъ горахъ

и чертитъ тѣни

на изрытыхъ, изъѣзженныхъ дорогахъ

луна,

повѣшенная въ облакахъ.

Блѣдна

она

и мертвое ея лицо,

опухшее отъ вѣчныхъ слёзъ

бросаетъ синее кольцо

семьѣ испуганныхъ берёзъ.

Въ тавернѣ „Chat noir“
разсвѣтъ смѣняетъ газъ.
Скользнулъ ночной угаръ.
Толпѣ лакеевъ пьяныхъ
читаетъ Поль Верленъ
стихи о ресторанѣ.
И плѣнъ парижскихъ стѣнъ
забытъ и слёзы катятся изъ глазъ
поэта, ждущаго конца.

Потушенъ газъ;
лучи, сплетясь оваль вѣнца
кладутъ на желтое чело
и тѣнь послѣднюю смело
разсвѣта мощное крыло.
Закрытъ до ночи „Chat noir“.
Прошедшихъ лѣтъ хмельной угаръ.

несётъ поэтъ въ сосѣдній храмъ,
леча молитвой жгучесть ранъ,
надѣясь, что небесный бризъ
съ житейскихъ волнъ сдуетъ пѣну . . .

Такъ о послѣднихъ дняхъ Верлена
вѣщаетъ съ грустью Пьеръ Луисъ.

Роллсъ-Ройсъ замедливъ, притаилъ дыханье
и сталъ послушно на углу.
Асфальтъ и сталь. Усталое желанье
вложили плѣнному орлу.

Эскадрами у береговъ бронёю крытыхъ,
побѣднымъ прошлымъ гордъ онъ;
изъ проволокъ, столбовъ, камней искусно свитый
упрямый старый Лондонъ.

Стучатъ сердца автомобилей
въ камняхъ, сдавившихъ гулкій стонъ . . .
На быстротечномъ Пиккадили
безмолвенъ герцогъ Веллингтонъ.

Нормандія.

I.

Бретонской грусти нѣтъ въ твоихъ холмахъ;
весёлый берегъ тянется къ проливу;
искрится въ синихъ, какъ Ла-Маншъ глазахъ
скользящая улыбка въ спѣлыхъ сливахъ.
Съ морскихъ боёвъ вернувшійся корсаръ
сердцамъ потомковъ завѣщаетъ смѣлость;
и не его-ли вѣрный сынъ Жанъ Баръ
при Угѣ, подарившій морю тѣло
во славу Франціи и солнца-короля.

Твоя въ душистыхъ лепесткахъ цвѣтущихъ
яблонь мантія
благословенная, приморская земля
со славнымъ именемъ заброшеннымъ волной
— Нормандія.

II.

Нормандія. Бродящія стада
по пастбищамъ зелёнымъ,
гдѣ Сены льется журчная вода,
катясь въ Ла-Маншъ бездонный.

Корней когтями стройныхъ сосенъ
искусно пойманы пески;
надъ ними тонущая просинь
имъ не прощаетъ злой тоски.

Готическій Руанъ, уснувшій въ воспоминаньяхъ
за стрѣльчатымъ, завѣшаннымъ окномъ
и отдыхъ кораблямъ, уставшимъ отъ скитаній
шумливый рейдъ за каменнымъ фортомъ;
онъ Ришелье поставленъ противъ бритта,
угроза Дувру сквозь проливъ.
Дюруль въ кольчугѣ свитой, сталью крытый
глядитъ угрюмо молчаливъ;

назначенъ Францiи безсмѣннымъ стражемъ
Шербургъ-Нормандiи дитя . . .

И много вамъ встрѣчной пастухъ разскажетъ
легенду съ правдою сплетя: —
про родину, про сосны и стада,
про замки, масло цвѣта янтаря,
про древнiе, морскiе города
и вспомнитъ имя славнаго царя.

III.

Еще разнѣженный Руаномъ,
обласканный Трувилемъ пряннымъ,
изысканнымъ, немного пьянымъ, —
опять вхожу въ уютный Сенъ Соверъ —
уѣздный городокъ въ пахучихъ соснахъ,
гдѣ нѣтъ матросовъ, вывѣсокъ тавернъ
и всё задумчиво, какъ въ церкви просто.

Изъ камня сѣраго, угрюмаго, сѣдого
изваянъ древній замокъ Ле-Виконтъ;
въ расщелинахъ его живутъ слѣпыя совы
и окна смотрятъ, какъ глаза иконъ.
Папистскій монастырь латинскія молитвы
пѣвучія возноситъ изъ покоевъ къ небесамъ,
а бойницы и башни вспоминаютъ битвы,
нормандскихъ рыцарей и платья ихъ прекра-
сныхъ дамъ.

И здѣсь, вотъ въ этихъ строгихъ залахъ,
гдѣ пауки вуаль сплели
писалъ о Брёммелѣ и нравахъ
и жилъ Барбэ д'Оревильи.

IV.

Серъезный Канъ. Часа черезъ четыре Парижъ.
Прощай, Нормандія. Три мѣсяца
дышалъ тобой, твоими соснами, холмами,
Ла-Маншемъ, рыцарства чуть слышными духами.
Воспоминанье не умѣстится
въ короткихъ милыхъ мнѣ листкахъ,
но ты, любимая, воскреснешь
въ грустящихъ о тебѣ стихахъ.

Геѳсиманскій садъ.

(Изъ R. M. Rilke.)

Онъ шелъ сквозь сѣрую масличную листву,
сѣрѣя растворёнъ въ деревьяхъ
и пыльную глубоко уронилъ главу
въ зной пыльныхъ, жаркихъ рукъ сплетенья.
Конецъ всего. Всего такой конецъ,
Я долженъ, долженъ слѣпнуть и ходить . . . .
Зачѣмъ, зачѣмъ же Ты велѣлъ, Отецъ
всѣмъ о Тебѣ словами говорить.
Я самъ, я самъ Тебя не нахожу
нигдѣ. Во мнѣ, ни въ этомъ камнѣ, ни въ другихъ,
нигдѣ. Одинъ я слѣпну и брожу
Съ печалью слёзною страданій всѣхъ людскихъ.
Я ихъ старался облегчить Тобой и Именемъ
Твоимъ —

Его вѣдь нѣтъ, Оно слилось съ туманомъ.
Я слѣпъ и я одинъ, одинъ съ собой,
съ моимъ стыдомъ, съ позоромъ несказаннымъ.

Потомъ сказали: явился ангелъ.
Зачѣмъ же ангелъ? Спустилась ночь;
перелистала равнодушно заснувшую листву . . .
Ученики пошевелились во снѣ иль на яву.
Зачѣмъ же ангелъ? Спустилась ночь,
такихъ приходитъ сотенъ рядъ,
ночь, ждущая прихода утра;
тамъ камни, здѣсь собаки спятъ;
простая ночь грустна и мудра.

Ихъ жизнь ангеломъ не вспѣнена,
ночь изъ за нихъ великою не называютъ;
теряющихъ себя на произволъ бросаютъ,
они отцами обезцѣнены
и матери отъ родины ихъ отлучаютъ.

Ревность.

Твои глаза темнѣе и глубже,
ты стала ласковѣе и нѣжнѣй;
нервнѣе пальцы, у милыхъ губъ же
лучи улыбки свѣтлѣе, длиннѣй.
Твои глаза теплѣе и глубже.
Я вижу: мысли твои далеко . . . .
Лучи улыбки свѣтлѣй, теплѣе . . . .
Я знаю причину, знаю его.

Изъ Раб. Тагора.

I.

Былъ душный май.

Казался полдень безконечнымъ

и жаждала иссохшая земля.

Съ рѣки раздался голосъ:

— Ну же милый!

Закрывши книгу, я выглянулъ въ окно

и увидалъ: огромный буйволъ

измазанный, въ грязи

съ глазами кроткими

остановился у рѣки,

а мальчикъ маленькій въ водѣ

всё понукалъ его войти.

Я улыбнулся радостно

и нѣжность

коснулась сердца моего.

II.

Разъ ты такъ хочешь, я пѣть перестану;
чтобъ сердце не билось
не буду смотрѣть;
разъ страхъ на прогулкѣ
тобою владѣетъ,
съ дороги сверну и другою пойду.
Если вѣнокъ плести ты стыдишься,
я больше въ твой садикъ не загляну.
Свой челнъ къ другому я берегу правлю,
здѣсь слишкомъ бурно плещетъ вода.

Въ оправѣ ноября
четыре дня обугленныхъ печалью.
Я ихъ покрылъ забвенія вуалью,
но слёзы ихъ сквозь шелкъ звенятъ.
Четыре жемчуга въ усталой дали
воспоминаніемъ горятъ.

. . . Мы дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи
забыть не въ силахъ ничего.

Ал. Блокъ.

Къ границамъ,
къ границамъ,
къ границамъ
пѣшкомъ, лошадьми, на возахъ,
на крышахъ, рессорахъ вагоновъ.
Устали. Измучены лица,
отъ ужаса слёзы въ глазахъ.
Бѣгите. Разрывы патроновъ
всё ближе. Бѣгите. Молчите,
не спите подъ хриплые стоны колёсъ.

Къ границамъ,
къ границамъ,
къ границамъ.
У сердца не хватитъ о брошенномъ слёзъ.

Къ холоднымъ далёкимъ столицамъ
отъ дикаго смертнаго плѣна
сквозь рѣки, болѣзни и рвы . . . .

Не вспомнитъ въ какой нибудь Вѣнѣ
измученный обликъ Москвы.

Тонкіе, длинные пальцы
нижутъ отрывности строкъ;
пляшетъ въ томительномъ вальсѣ
рифма-дорожный цвѣтокъ.
Вновь заплетаются въ косы
кудри бѣгущихъ валовъ.
Кто опъянѣвшаго бросилъ
въ пѣсни,
въ метель лепестковъ.

Отпечатано въ типографіи ордена Мехитаристовъ въ Вѣнѣ въ количествѣ трёхъ тысячъ экземпляровъ въ тысяча девятьсотъ двадцатъ первомъ ноябрѣ.

Wl. Aloff (M. A. Eisler) Metel lepestkow

Складъ изданія:
Русскій книжн. магазинъ J. Persky
Wien, VII. Mechitharistengasse 4

